

МЕЛЬДЕР О. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МЕЛЬДЕР Ольга Николаевна, родилась в 1885 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию и Мариинский институт, с 1905 — работала переводчицей, делала поэтические переводы Гейне, давала уроки музыки и пения. С 1926 — переводчица технических текстов в учреждениях Главморпрома. В марте 1935 — выслана в Атбасар Карагандинской области, в мае переведена в Темир. В мае 1935 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<16 мая 1935>

«Темир Актюбинской области.

Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: не откажите помочь мне улучшить мою горькую долю. Я совсем не могу понять, за что попала в Казахстан. Мое прошлое как будто бы этого не заслуживает: дед со стороны матери, Вас<илий> Ал<екс.> Воронцов, декабрист, разжалованный, сосланный, потом выслужившийся и окончивший свою жизнь артиллерийским приемщиком златоустовского завода. Дед со стороны отца, Давид Рамибек — был старш<им> маст<ером> слесарн<ого> цеха того же завода и жил в "немецкой слободе" в Златоусте, собственности тоже не имел. Мой отец, Ник<олай> Дав<идович> Рамибек, сам себе обязан образованием. Он был врач. В свои студенческие годы, как народоволец и близкий друг С<офьи> Перовской, сидел в Трубецком бастионе и был выслан в Самарскую губ<ернию>. Потом служил земским врачом, ни чинов, ни дворянства не имел, так что и мать моя Юлия Васильевна Воронцова, выйдя за него замуж, потеряла по тогдашним законам свое дворянство. Отец умер в 1891 г<оду>. Мать осталась с 2 малолетними детьми без средств, так что ее приютил ее родной брат, известный изобретатель I парового молота в России — Ник<олай> Вас<ильевич> Воронцов, горный инженер, недавно тоже овдовевший, но и сам вскоре умер в 1893 г<оду>, завещав ей бездоходный клочок земли, кот<орый> у нее в 1913 г<оду> оттягали, после того, как усиленными трудами привели его в порядок. С этого времени и до своей смерти в 1930 г<оду> моя мать была на иждивении сына и моего мужа. Она жила с нами, брат отдельно.

Детство и юность мои видели труд и нужду. Я практически и теоретически хорошо знаю сельское хозяйство, о чем свидетелем рубцы на руках от серпа и косы, попорченная лошастью левая нога и кисть левой руки.

Несмотря на тяжелый физический труд, я упорно училась. Окончив Мариинский (не дворянский) институт, я изучила 4 языка — франц<узский>, нем<ецкий>, англ<ийский> и итальянский, а много спустя окончила курсы гидов при Европейской гостинице. Языками я настолько свободно владею, что до последнего времени работала переводчиком, т<о> е<сть> делала специально технические переводы туда и обратно в учреждениях Глав<ного> Мор<ского> Пром'а, а в 1925-26 г<одах> состояла корреспондентом в Ак<адемической> филармонии и попутно делала эквиритмические переводы для Ак<адемической> Капеллы, т<ак> к<ак> я с детства владею стихом. Никакой собственности никогда не имела, за исключением носильного платья, кое-какой обстановки хламовой, да рояля. И тот у меня отнял Музпред в 1926 г<оду>, т<ак> к<ак> я не знала в 1919 г<оду>, что надо регистрировать его. Я еще

давала уроки музыки и пения с 1914 г<ода> по 1926 г<од> (ит<альянской> школы), училась в Ленинграде с 1913 г<ода> по 15 г<од>. Мой муж Ив<ан> Ив<анович> Мельдер — сын безземельного батрака-фельдшера и безграмотной бывш<ей> крепостной прачки — уже с 11 лет сам себя содержал, учился и бегал по урокам за 25 к<опеек>. Сам себя сделал, как англичане говорят, врачом и оч<ень> образованным человеком — умер в 1931 г<оду> 16/XI. Он был участник ледового похода нашей эскадры из Гельсингфорса в Кронштадт и, как таковой, являлся кр<асным> партизаном. Смерти матери и мужа последовали одна за другой на расстоянии 11½ мес<яцев>. Обои предшествовали тяжкие длительные болезни, а муж мой еще вдобавок 15/III был арестован ГПУ, освобожден 6/VIII, заболел, проболел по 30/X и 6/XI уже вышел на работу, на старое место службы. Распоряжением ГПУ ему была выплачена зарплата за все время ареста и бюллетень за всю болезнь, т<о> е<сть> был полностью восстановлен во всех правах.

Все эти переживания унесли все то немногое, что удалось спасти в 1913 г<оду> при потере матерью ее клока земли, и мне пришлось крайне напряженно работать, чтобы выплачивать тем, кто мне помогал в тяжелое время, т<ак> к<ак> бюллетень и выплаченная зарплата не могли покрыть истраченного, а потом тяжелая предсмертная болезнь моего мужа унесла остальное.

Помощи мне ждать было неоткуда и не от кого.

Конечно, в частных работах приходилось неоднократно нарываться на людей, кот<орые> пользовались моими знаниями и забывали оплачивать мой труд. Даже теперь, уехав сюда, я недополучила около 300 руб<лей> за перевод Krieghchiffban Evers'a. Мне обещали выслать, как только будет известен мой точный адрес, после 1/IV, т<ак> к<ак> они сами должны в это число были получить деньги из Госиздата, но на все мои письма — гробовое молчание. Просила знакомых — те пишут, что им сказали "хорошо-хорошо" — а я пока ничего хорошего не вижу. Перевод делался для проф<ессора> Поздюнина Валентина Львовича, но, к сожалению, через третьи лица — мои б<ывшие> сослуживцы по Сев<ерной> Верфи Юкентрон и Цугшверт. Последнее время с 3/X-1933 по 18/II-1935 работала переводчиком в ЦКБС № 1 при Сев<ерной> Верфи, где до сих пор находится мой труд<овой> список. 19/II являются с направлением в отд<ел> кадров Гл<авного> Морпрома, а там мне на направлении говорят, что я могу искать работу, где хочу, и делают соответствующую надпись. Я совсем опешила. Мой нач<альник> Дорохов был просто поражен, т<ак> к<ак> я была им крайне необходима, замечаний по службе никогда никаких не имела, напротив, поощрения в виде постепенного увеличения зарплаты. С 1/III я должна была уже начать получать по 375 р<ублей> в месяц ввиду усиленной работы. Кроме того, будучи засекречена, я никогда не пропускала ничего, казавшегося мне подозрительным, и обращала на это соответственное внимание, что могут подтвердить нач<альники> секр<етных> частей зав<ода> Марти 1930-31 г<одов> т<оварищ> Нарышкин, 1932-33 г<одов> Союзверфи Дорошин, 1933-35 г<одов> Северн<ой> Верфи Ригельт, пом<ощник> дир<ектора> зав<ода> Марти Тимофейчук, тов<арищ> Душе, и мой прямой нач<альник> А. С. Дорохов тоже не откажет дать обо мне характеристику. Не зная за собой абсолютно никакой вины, я поэтому страшно была поражена как моим увольнением 18/II, так и особенно последовавшим в ночь на 5/III обыском и арестом. Все последовавшее казалось кошмарным сном. Я так и не знаю до сих пор, за что меня постигла такая жестокая кара. Положение мое весьма тяжкое. Назначение — Уил, где мои знания никак не приложить. Транспорта здесь не дают теперь — надо ехать за свой счет 200 килом<етров> от Темира — 90 руб<лей> приблизительно с

человека, а у меня и всего-то в кармане около 30 р<ублей>. И выслать мне никто ничего не может. Большинство родных перемерло, а знакомых я почти всех потеряла, живя крайне уединенно после смерти мужа, чтобы расплатиться с оставшимися долгами — некогда ходить по гостям, да и к себе звать некуда было — не по средствам, так что и оттуда помощи ждать нечего. Вещей у меня уже не было почти совсем. Я перед отъездом продала меньше чем за 100 руб<лей>, да за 2 нед<ели> выходного пособия получила 120 р<ублей>, а за перевод вместо 400 р<ублей> дали эти франты всего 100. С этими деньгами я пустилась в такой далекий путь, да еще за свой счет!? В Челкаре жила с 18/II по 23, носильщики, перевозки и пр<очие> расходы. 23 обратно 500 км до Джуруна, опять за свой счет. Ехали в нетопленном вагоне с 7 ч<асов> вечера 23 до 1 ч<асу> дня 24. В Джуруне опять переноска, перевозка и жилье 25/II. Дали трактор с прицепленной платформой на полозьях, груженной досками, а сзади нее еще будка с печуркой, для подсобной раб<очей> силы. Часть партии уместилась с вещами на платформе. Мороз и ветер. Благодаря частой порче трактора и разн<ым> авариям 37 км от Джуруна до Темира с 11 ч<асов> утра до 10 ч<асов> вечера, и то не в Темир, а на базу Эмбанефти в 2 км от города. Несмотря на протесты, вещи выкинули на снег. Верблюды от НКВД пришли за багажом только в полночь. Трактор и они — единственно, за что не платили. И вот живешь под угрозой отъезда в Уил — т<о> е<сть> голодной смерти, продавая то одно, то другое из жалкого багажа.

Убедительно прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, не откажите мне в помощи. Дайте возможность, если не вернуться обратно в Ленинград, где я и родилась, и всю жизнь прожила, то хотя бы поехать по моему выбору в такой город, где я могла бы использовать свои знания и зарабатывать себе на жизнь, продолжать приносить пользу Союзу. Неужели человек, хорошо знающий 4 языка, машинку оба шрифта, счетную работу, преподавание как языков (последнее групповое преподавание было в минно-торпедном инст<итуте> и у себя на службе — уроки ит<альянского> яз<ыка>), так и пения и музыки и, кроме того, практик-агроном (до 1913 г<ода> мне много приходилось читать популярных лекций — конечно, бесплатно — по травосеянию, скотоводству, огородничеству, осушению, птицеводству, лесоводству), неужели эти знания не являются своего рода ценной единицей в Государственном инвентаре интеллекта? Да, я еще забыла прибавить, что за мою долгую жизнь (мне 50 лет) мне приходилось поработать и медсестрой, и фармацевтом-лаборантом. Конечно, в глубине души — моя мечта увидеть снова Смоленское кладбище и находящиеся там две дорогие мне могилы мамы и мужа — все, что у меня осталось! Мой брат, Н. Н. Рамибек, после женитьбы 1926 г<ода> совсем отошел от нас, и матери-то посылал гроши, и те неохотно, а уж после ее смерти и вовсе позабыл, вины моей перед ним нет никакой. Может быть, боится, что буду в тягость? Не надо думать! У каждого своя доля. Мне же надо просить Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, помочь мне облегчить мою и не дать мне покончить самоубийством во избежание голодной смерти. 11/V я послала заказное письмо № 345 на имя Прок<урора> т<оварища> Кататьяна с аналогичной просьбой и краткой <нрзб>. Не откажите походатайствовать за туберкулезную одинокую глубоко Вас уважающую вдову красного партизана О. Мельдер.

Р. С. При обыске у меня взяли паспорт, послужной список мужа моего И. И. Мельдера вместе с прикрепленными к нему документами дальнейшей службы и правами на кр<асное> партизанство, несколько писем частного характера, несколько фотографий. Кажется, все. Точно не

помню, копии акта мне не дали, а я сама так ошеломлена, что плохо сознавала, что делается кругом.

Приложение: Заявление на имя Верх<овного> Прокурора
т<оварища> Вышинского в 2-х экз<емплярах>.
Характеристика с места службы, копия

16/V-35. О. Мельдер»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1390. С. 80-83. Автограф.